

П. С. Куприянов

Куприянов Павел Сергеевич (Москва, Россия) — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; Email: kuprianov-ps@yandex.ru

К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ МЕСТ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ: МЕХАНИЗМЫ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Статья посвящена проблеме производства пространства в современном городе. Практика символического конструирования/воображения мест анализируется на материале нескольких московских кейсов. Рассматриваются два аспекта: механизмы конструирования и проблема локальной идентичности. Ставится вопрос о перспективах этой практики и об «искусственности» и «естественности» конструируемых мест.

Ключевые слова: городское пространство, конструирование места, Москва, локальная идентичность

P. S. Kupriyanov

Pavel Sergeevich Kupriyanov (Moscow, Russia) — Candidate of Historical Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; Email: kuprianov-ps@yandex.ru

ON THE ISSUE OF PLACE CONSTRUCTING IN A MODERN CITY: MECHANISMS AND IDENTITY

The article examines the problem of space production in a modern city. Symbolic constructing/imaging of places is analyzed using several cases of the City of Moscow. The practical means of construction and the problem of local identity are in the focus of the study, along with the question to what extent are such places «artificial» or «natural».

Keywords: urban space, place constructing, Moscow, local identity

В географических исследованиях становление «конструктивистского» представления о месте как о феномене ментальном, возникающем в результате осмысления и означивания пространства человеком, обычно относят к 1970-м годам и связывают с работами И-Фу Туана и его последователей [23]. Новаторское для своего времени, сегодня это представление воспринимается как довольно привычное, имеет немало сторонников и весьма активно развивается в отечественной традиции, например, в рамках гуманитарной и мифо-географии, полагающих главным объектом исследования представления, образы, интерпретации пространства, а не его материальный «субстрат» [6; 10].

Распространение и утверждение подобного взгляда есть, вероятно, закономерное следствие «антропологического поворота» в гуманитарных и социальных науках XX века, отразившегося и на исследованиях пространства, в том числе — городского. Приоритетное внимание к мыслительным конструкциям и повседневным практикам как факторам, определяющим функционирование города, присущее уже классической работе К. Линча «Образ города» [9], в настоящее время довольно часто служит (или, по крайней мере, провозглашается) исходной посылкой в городских исследованиях¹. Вместе с тем, количество текстов, декларативно разделяющих этот подход, кажется, пока заметно превышает количество конкретных эмпирических исследований, из-за чего восприятие и производство пространства в современном городе зачастую представляется довольно схематично.

1. Наиболее ярко такой подход проявляется, например, в популярном концепте *вернакулярности* [2]

Возможно, одним из способов преодоления этой ситуации могла бы стать некоторая корректировка исследовательской оптики в сторону изменения масштаба и фокусировки на деталях обсуждаемого явления. *Рассмотрение в подробностях*, традиционно приписываемое антропологическому методу, полезно тем, что позволяет вскрыть содержание процесса и проблематизировать исследуемый феномен. Данная статья представляет собой попытку подобного рассмотрения двух аспектов упомянутого конструирования мест: его механизмов и связи с локальной идентичностью.

Под «конструированием мест» в исследованиях понимаются два близких, но все же разных явления. В одном случае речь идет о собственно создании нового места, сопряженным с большим или меньшим преобразованием физического пространства: оформление интерьера, разбивка парка, оборудование места на пляже и т. п. Именно такого рода кейсам посвящена, например, большая часть текстов в сборнике под редакцией С. Менин «Конструируя место: сознание и материя» [24]. Меня же интересует конструирование мест как практика членения пространства, при которой его фрагмент выделяется из окружающего массива *не-мест* или *других* мест и репрезентируется в качестве отдельной единицы, самостоятельного *места*, со своими специфическими особенностями. Иными словами, речь идет о категоризации — исключительно интеллектуальной процедуре, не требующей никакого изменения физического окружения. В этом смысле данная практика может быть обозначена как *воображение* мест. Надо признать, что в таком понимании она является отнюдь не курьезом, а скорее напротив — нормой, обыденной, рутинной практикой, поскольку в сознании человека неизбежно формируется определенный образ пространства, что подразумевает его дифференциацию на отдельные фрагменты. Однако если обычно эти процедуры представляют собой спонтанную и слаборефлексируемую адаптивную реакцию человека, то в некоторых случаях это происходит сознательно и целенаправленно. Именно этот вариант и будет рассмотрен ниже на примере нескольких московских кейсов.

Следует отметить, что в настоящее время указанный феномен встречается в самых различных контекстах: не только административном или градостроительном, но и, например, в социокультурном, краеведческом, градозащитном. Мощным фактором, способствующим созданию (=воображению) новых мест является, скажем, брендинг и развитие туризма, чаще всего сопровождающееся активным переформатированием и переозначиванием городского пространства, формированием его новых образов и символов. Другой специфической практикой, при которой происходит сознательное конструирование мест, являются собственно городские исследования — здесь членение города на отдельные фрагменты объясняется прежде всего исследовательскими задачами. Разумеется, все эти случаи довольно заметно различаются между собой — по мотивам, масштабам, интенсивности интересующего нас процесса. Однако некоторые его моменты оказываются если не общими, то весьма сходными. В частности, это относится к *конкретным механизмам* конструирования места.

23 ноября 2014 года по инициативе общественного движения «Архнадзор» в Москве состоялся праздник «День улицы Варварки». Он был приурочен к первому упоминанию улицы в летописи в 1434 году в связи с захоронением в одной из здешних церквей Максима Блаженного. Праздник заключался в том, что в течение дня по улице Варварке проводились экскурсии с посещением музеев и храмов, а завершилась программа круглым столом с участием представителей местного церковного подворья и музеев, а также архитекторов и москвоведов. Праздник имел большой резонанс в Интернете, освещался в СМИ и был поддержан городскими властями и общественностью [20]. В следующем году День Варварки был проведен снова, уже без вечерней части и не так массово, но все равно при большом количестве участников [5].

Примечательно, что в информационных сообщениях об этом событии почти всегда объясняется дата празднования и, кажется, никогда не обосновывается выбор самой улицы в качестве «юбилея». Между тем, строго говоря, основания для вычленения Варварки из окружающего пространства как отдельного, самостоятельного *места*, (с собственной историей и «идентичностью»)

не так очевидны, как кажется. Будучи улицей со своим именем, Варварка при этом включена в более крупные пространственные структуры (Зарядья, Китай-города, Тверского района, Центрального административного округа, дороги на Рязань и Владимир), и в то же время разделяется на более мелкие части (четная и нечетная сторона). Представление *улицы* как цельного структурного элемента города — результат лишь одной из множества возможных категоризаций, позволяющих разделить городское пространство на фрагменты и о-пределить (буквально установить пределы, разграничить) составляющие его места. В этом смысле выбор Варварки в качестве «юбиляра» довольно условен; это подтверждается, например, тем, что в ходе праздника (в частности, на круглом столе) о самой улице — ее истории, изменении, внешнем облике или названиях — говорилось не так много; понятие «улица» трактовалось довольно широко, в частности, разговор то и дело переключался на примыкающее к ней с юга Зарядье и его дальнейшую судьбу² [12].

Следующий пример, пожалуй, еще более выразителен. В октябре 2014 г. районная газета «Покровские ворота», издаваемая Советом депутатов Басманного района г. Москвы, сообщала, что 14 октября в праздник Покрова Пресвятой Богородицы здесь был впервые отмечен «День Басманного района» [17, с. 1]. Этому событию в газете уделено большое внимание; фактически ему посвящен весь номер. Впрочем, в предыдущих и в последующих номерах за 2013–2016 гг. тема выбора, утверждения и празднования Дня района — одна из основных в газете, а значит — важная для районной власти. Все этапы становления нового праздника освещались здесь подробнейшим образом: вслед за внесением соответствующего предложения на Совете депутатов был объявлен сбор мнений жителей относительно самого праздника и его возможной даты, о «новой традиции» регулярно упоминалось в выступлениях главы района, наконец, в сентябре 2014 г. была проведена научно-практическая конференция «День Басманного района. Актуальность. Содержание. Дата», по результатам которой дата 14 октября была утверждена окончательно.

Почему такому, прямо скажем, не самому злободневному сюжету уделяется столь пристальное внимание (особенно заметное при сравнении «Покровских ворот» с аналогичными газетами других районов, к примеру, Лефортово или Арбата)? Анализ опубликованных материалов заставляет думать, что День района важен прежде всего для репрезентации Басманного района не просто как административной единицы, образованной по формальному критерию, а как некоего единого пространства, обладающего существенными особенностями, то есть — отдельного *места*. Очевидно, что в случае с Басманным районом основания для такой репрезентации гораздо более зыбкие, чем в случае улицы Варварки, что не раз отмечалось участниками обсуждения, указывавшими на абсурдность самой идеи Дня района, искусственность этого территориального образования и отсутствие какой-то очевидной общей темы или идеи, объединяющей разные его части [16, с. 13, 18; 4, с. 56]³. Иными словами, существование Басманного района как отдельного *места* вызывает сомнения (заметим, гораздо большие, чем в случае тех же Лефортова или Арбата), что, очевидно, и заставляет предпринимать специальные усилия для его конструирования и легитимации, прежде всего, посредством разработки и внедрения *локальных символов* — мест, объектов, дат, текстов, образов, отражающих уникальные локальные особенности.

Создание нового районного праздника — важный, но не единственный шаг на этом пути. Прежде всего, у Басманного района, как и у любой административной единицы, есть свои официальные символы — герб и флаг, изображения на которых отсылают к традиционным занятиям жителей Басманной слободы [11]. А кроме этого активно создаются и новые символы: на втором Дне района в 2015 году на площади Разгуляй был открыт «народный» памятник 7-й Бауманской дивизии народ-

2. По словам одного из участников, «праздновали День Рождения Варварки, а все мысли, мечты и тревоги — о Зарядье» [20].

3. Ср. характерный пост на странице одного из депутатов Басманного района Е. Будника: «Ну причем тут Покрова и Басманный район? и вообще, чем объединен Басманный район, кроме того, что у нас управа общая? <...> Басманка — это что? Весьма странное образование. <...> почему граница, например, идет не по проспекту Сахарова, а по Мясницкой, заворачивая на Мясницкий проезд? Или почему часть Кулишек в Басманном, а часть — в Таганском? Почему жители дома-Утюга не имеют права высказываться по проблеме Хитровской площади (а, например, жители Разгуляя — имеют)? Какими Покровами это объясняется?» [22].

ного ополчения (авторы З. К. Церетели и М. М. Посохин), призванный служить «точкой притяжения» для жителей Басманного района [19, с. 4–7]. В тот же день на праздничном концерте впервые был исполнен гимн Басманного района (слова и музыка В. М. Аникиенко⁴).

Наряду с Днем района, важную роль в конструировании места играют и другие мероприятия, а именно, конференции, тематика которых связана с Басманным районом. Во-первых, уже сам факт их проведения как бы легитимирует существование самого места, а во-вторых, на них вырабатывается привычный способ говорения о месте. Многократное повторение имени Басманного района (в названиях и текстах докладов, в дискуссиях и резолюциях), разговор о нем как об отдельном самостоятельном объекте в самых разных контекстах формирует традицию именно такого его восприятия и делает привычным присутствие данного места в языке. Именно благодаря этому обстоятельству оказываются возможны такие неожиданные для «непосвященных» темы докладов, как «О деятельности генералиссимуса Франциско де Миранды и его связях с Россией и Басманным районом» или «Исторические связи Басманного района Москвы и Китая» [7].

К слову, историческая тематика здесь вовсе не случайна, и очевидные анахронизмы тоже вполне закономерны. Наличие собственной истории является столь же важным фактором, «узаконивающим» существование места, как и локальная символика или языковые стереотипы. Общее прошлое часто становится той самой объединяющей основой, на которой строится образ единого места в настоящем. При этом механизмы конструирования «собственной» истории незамысловаты. Она создается посредством механической экстраполяции данного места в его нынешних границах на прошлое, за счет чего осуществляется своего рода пространственная и хронологическая «экспансия» нового места, оно «вбирает» в себя все, что имеет или имело отношение к занимаемой ныне территории, причем даже в те времена, когда самого этого места еще не существовало. Так в историю Басманного района (основанного, заметим, в 1995 году) парадоксальным образом включаются не только события XVI–XX вв. (когда здесь, по крайней мере, существовали многие нынешние улицы или пресловутая Басманная слобода), но и гораздо более раннее, в том числе домосковское, время! Именно с тех времен отсчитывает местную историю районный путеводитель, отмечающий, в частности, что «и Дмитрий Донской решительно прошел через «Басманный район» в верховья Дона «Мамая воевать»...» [1, с. 4–5]. При всей курьезности данной формулировки (заставившей автора взять анахронизм в кавычки), она очень точно отражает «инклюзивный» принцип локального историописания. Благодаря ему прошлое Басманного района как отдельного места формируется из прошлого всех его «суб-локусов», всех учреждений и персонажей, когда-либо так или иначе связанных с данной территорией. Таким образом, частью (истории) Басманного района становятся А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, Анна Монс и А. Н. Туполев, МГТУ им. Баумана и Историческая библиотека, Курский вокзал и Госпиталь им. Бурденко, Хитровка и Немецкая слобода. Эти и другие значимые локусы, события и персонажи объединяются в рамках одной конструкции и составляют локальный «пантеон».

По этому принципу, в частности, строится книга Н. А. Домашневой, посвященная войне 1812 года в истории Басманного района [3]. В ней не просто рассказывается о событиях, происходивших здесь во время войны, и о судьбе местных построек и учреждений, но и отмечается любая, даже самая малейшая связь упоминаемых персонажей или описываемых событий с Басманным районом — как будто бы эта связь имеет некое особое значение. Так, среди прочего автор отмечает, что многие известные дипломаты того времени и герои войны были «жителями Басманного», а, скажем, Манифест о народном ополчении был провозглашен в Слободском дворце в Лефортове. Так же рассказывается и о Бородинском сражении: «Многие москвичи, судьба которых была в разное время связана с Басманным, принимали самое активное участие в боевых действиях против наполеоновских войск. Некоторые из них здесь родились, кто-то отсюда ушел воевать, а кто-то поселился после войны» [3, с. 15].

4. Доклад В. М. Аникиенко с красноречивым названием «Гимн Басманного района: актуальность и необходимость» был включен в программу конференции «Историко-культурное наследие Басманного района» [7]

Важно подчеркнуть, что в логике такого повествования происходит едва заметная, но существенная инверсия: события, *затронувшие* данное место, начинают описываться как события *местной истории*⁵. Условно говоря, «война 1812 года в Басманном районе» превращается в «Басманный район в войне 1812 года». Главный смысл этой инверсии — в изменении статуса района: из простого «места действия» он становится почти субъектом исторического процесса, как бы принимающим в нем участие. Одним из результатов такой нарративной стратегии является представление не просто о причастности данного места к важным сюжетам «большой» истории, но и о его значимой роли в этих сюжетах.

Следует отметить, что подобная репрезентация местного прошлого носит универсальный характер и может быть обнаружена в «локально-исторических» текстах разных жанров, в том числе художественных. Характерный пример — песня о Варварке (слова и музыка Ю. В. Крестникова), в хронологической последовательности упоминающая Сергия Радонежского, Куликовскую битву, опричнину, Ивана Грозного, Василия Блаженного, династию Романовых и революцию 1917 г. Такой «набор» персонажей и событий *местного* прошлого не оставляет сомнений ни во «включенности» Варварки в российскую историю, ни в исторической значимости этого места. Вместе с тем, улице приписывается отнюдь не только славное прошлое: ее главной особенностью предстает церковный, духовный характер: «Здесь душа, как водится, благодатью полнится, за тебя здесь молится целый сонм святых» [14]. Именно церковная жизнь выступает здесь залогом существования улицы и ее своеобразной *константой*, присущей этому *месту* во все времена.

Сама идея о наличии у места некоторых неизменных свойств является весьма важной в контексте обсуждаемой проблемы. Поиск и обозначение «характера», «духа», «миссии» и «судьбы» места, отражающих его метафизическую сущность и обуславливающих неизменность и тождество во все время существования, — еще один механизм изобретения мест, довольно распространенный в краеведческом дискурсе [21] и художественной литературе⁶.

Примечательной особенностью текстов, «обслуживающих» процесс конструирования места, является частое использование местоимений второго лица множественного числа: «Дорогие *наши* читатели! В этом году мы во второй раз отмечаем *свой* день — День Басманного района! Мы отмечаем его вместе с праздником Покрова Пресвятой Богородицы — уж очень многое связывает *наш* район, его историю и топонимику с этим святым для православных верующих днем. История остается с *нами*, а мы продолжаем жить. За последние годы изменились и похорошели *наши* улицы, дворы и парки. Изменились *мы* сами и *наше* отношение к району, в котором живем и работаем. Басманный по-настоящему становится *нашим!*» (курсив мой — ПК) [18, с. 1].

Такое избыточное обращение к «мы» объясняется необходимостью формирования территориальной общности, неизбежно сопутствующего процессу конструирования места. Для этого задаются контуры локальной идентичности: местным жителям предписывается некая пространственная рамка, в которую им предлагается себя «вписать». Жители места позиционируются как некое соседское сообщество, *neighbourhood*, объединенное общими интересами, символами и практиками: «День района предполагает единение сообщества людей, живущих и работающих на одной территории, вокруг возвращения к историческим корням, изучения и преумножения культурного наследия, решения различных социальных проблем, улучшения условий жизни, а также взаимопомощь, поддержку друг друга, любовь к детям и сострадание к немощным, желание жить в мире

5. Например, знаменитый московский маскарад 1763 г. «Торжествующая Минерва», проходивший в том числе и по территории нынешнего Басманного района, в районном путеводителе обозначается как «главное “районное торжество”» [1, с. 6] (снова в кавычках).

6. Из «московских» примеров можно назвать исторические романы для подростков Б. Акунина и Глории Му («Детская книга для мальчиков/для девочек»), а также роман «Время всегда хорошее» А. В. Жвалевского и Е. Б. Пастернак со схожими сюжетными схемами, в которых герой попадает на несколько столетий назад, но в то же место, и оказывается свидетелем/участником исторических событий. Во всех этих произведениях тождество места является условием развития сюжета, оно служит главной ниточкой, соединяющей прошлое и будущее.

с окружающим миром» [17, с. 1]. В этом адресе главы Басманного района Г. В. Аничкина обращает на себя внимание не только прямо заявленная цель — формирование локального сообщества, — но одновременно и очевидная слабость оснований для его появления: те ценности и практики, вокруг которых, по мысли автора, предстоит возникнуть новому соседству, слишком общи и лишены какой-либо локальной привязки.

Между тем, сложность с формированием Басманной идентичности — не только в том, что район слишком велик и разнороден и у жителей Хитровки нет оснований «объединяться» с населением отдаленной Рубцовской набережной, при этом отделяя себя от соседней Солянки. Проблема, на мой взгляд, состоит еще и в том, что предписываемая жесткая идентификация с конкретным местом противоречит реальной структуре и характеру локальной идентичности, которая, во-первых, сложна и иерархична, то есть включает несколько уровней и объектов «отождествления», а во-вторых, подвижна и ситуативна, то есть изменяется в зависимости от обстоятельств. Благодаря этому один и тот же человек в разных ситуациях ассоциирует себя с разными локусами — от конкретного двора или даже подъезда до всего города. В этом смысле в призме локальной идентичности городское пространство может быть уподоблено не просто мозаике, но калейдоскопу — как мозаике с меняющейся структурой, или переливающейся открытке, причем, с несколькими картинками.

Несоответствие навязываемой жесткой идентификации с определенным местом и реальной структурой локальной идентичности наглядно проявляется в исследовательской практике в том случае, когда объектом изучения является заранее определенное место. Такая ситуация сложилась, например, во время исследования, проводимого КБ «Стрелка» в рамках проекта «Моя улица». В задачи исследования входило описание восприятия и использования определенных частей Москвы, причем границы этих мест задавались извне, в соответствии с практическими целями проекта. При этом материалы интервью почти всегда демонстрировали несовпадение исследовательской и туземной категоризации пространства. Описание *целой* улицы, набережной или района вызывало затруднение у местных жителей — просто потому, что *их* пространство было организовано иначе и состояло из других *мест* [15].

Еще более сложная картина выявилась при исследовании Зарядья. Проект по изучению этого московского района предусматривал интервью с его бывшими жителями, выселенными отсюда в 1960-е годы перед сносом жилых домов и строительством гостиницы «Россия». И в этих интервью локальная идентичность проявляется двояко. С одной стороны, в рассказах о конкретных повседневных практиках и случаях из жизни образ *своей территории* (часто обозначаемой устойчивым выражением «дом родной») то сужается до своего двора, то расширяется, вбирая в себя ближайшую округу⁷ (в первую очередь Солянку, Хитровку, Ильинский сквер, а затем — и Красную площадь, и Александровский сад, и Котельники) [13: 3, 10, 14, 16, 36, 55, 67⁸]. При этом Зарядье, несомненно, является одним из группообразующих локусов (что иллюстрирует, например, распространенное выражение «зарядьевская шпана»), но отнюдь не главным и не единственным. С другой стороны, в речи информантов встречается немало обобщенных суждений, в которых именно район служит основной пространственной категорией, описывающей данное пространство и «задающей» единственную и стабильную *зарядьевскую* идентичность, довольно уверенно экстраполируемую на прошлое: «Это все было зарядское, мы были зарядские <...> Да, мы — зарядские! вот в этом «мы — зарядские» заключено все: и что это самый древний район, самая-самая что ни на есть московская земля...» [13: 19].

В чем причина такого двойного восприятия? Как человек превращается из жителя конкретного двора в жителя Зарядья? По-видимому, это обусловлено двумя факторами. Прежде всего, изменением самого пространства. В результате глобального преобразования 1960-х годов постройки

7. «Моя территория определялась: естественно, наш переулок, Максимка [Максимовский переулок — П. К.], Кривой — там жили мои друзья, Варварка <...> до этого... Гостиного двора — это все было, вот, наше. А потом я включил в свой ареал дорогу до школы, а школа была, как я сказал, в Вузовском переулке. То есть я шел до Солянки, потом по переулочкам там, вот туда <...> Я тоже все эти места считал своими. Потом я это распространил на Покровку... Ну как-то вот так вот» [13: 58].

8. При ссылке на материалы интервью после двоеточия приводятся архивные номера видеокассет.

между улицей Разина (Варваркой) и Москвой-рекой (ранее разрозненные и разделенные не только другими зданиями, но и несколькими переулками — Кривым, Псковским, Максимовским, Зарядьевским, Ершовым, Елецким) были объединены в один цельный архитектурный ансамбль. Благодаря этому данная территория стала восприниматься как единое пространство: на месте множества зарядьевских переулков и дворов возникло *одно единственное* Зарядье, квартал со сложным внутренним устройством, включавший в себя ряд более мелких, относительно самостоятельных *мест*, стал первичным элементом городского ландшафта, гомогенным и нерасчленимым *местом*. Очевидно, для бывших жителей района сегодня это имеет совершенно определенные последствия: в новых условиях, при отсутствии прежней пространственной структуры, задававшей контуры (микро-) локальной идентичности низшего уровня, актуализируется локус следующего уровня — «районного». Иными словами, не имея возможности причислить себя к конкретному дворовому сообществу, прежние «псковские» и «елецкие» теперь все уверенней осознают себя «зарядскими», превращаясь из обитателей *этих мест* в бывших жителей *этого места*.

Другой фактор, способствующий актуализации районной идентичности — сама ситуация интервью. Тема исследования и вопросы интервьюера, как известно, во многом определяют контуры будущего ответа. Поэтому, спрашивая про Зарядье, то есть заранее определяя пространственную категорию, исследователь провоцирует появление обобщающих формулировок и тем самым — актуализацию зарядьевской идентичности. В известном смысле, обращаясь к собеседнику как к *жителю Зарядья*, исследователь навязывает ему свой собственный дискурс и соответствующую идентичность.

При этом, принимая предлагаемые «правила игры» и рассуждая о Зарядье вообще, люди, тем не менее, описывают *свое* пространство (переулок, двор, дом, подъезд), просто автоматически распространяя этот образ на весь район. Поэтому такие рассуждения продолжаются ровно до тех пор, пока они не встречаются... своего соседа по району и довольно быстро выясняют, что Зарядье у всех разное. *Единое* Зарядье, сконструированное бывшим жителем в беседе с интервьюером на фоне современного района, «рассыпается» при первом же разговоре о вполне, казалось бы, общих и бесспорных вещах вроде детской горки или уличных игр⁹, обнажая тем самым искусственный характер районного сообщества.

В заключение мне представляется важным остановиться на двух вопросах, касающихся перспектив существования изобретенных мест. Первый из них связан с оппозицией *искусственного и естественного*, актуальной в данном контексте, но не такой очевидной, как может показаться. С одной стороны, налицо известная искусственность рассматриваемой практики изобретения мест. О ней очень точно говорил, например, настоятель патриаршего подворья храмов Зарядья о. Вячеслав (Шестаков) на первом Дне Варварки: «Мы все вместе, собравшись здесь, отмечаем вот эту дату: получилось 580 лет. Но посмотрите, какая разница: 580 лет назад улица Варварка была упомянута лишь по поводу, поскольку... Поскольку именно в завтрашний день был погребен у храма Бориса и Глеба блаженный Максим. И для людей того времени именно это событие явилось главным, а Варварка — ну... немножко сориентировать в пространстве тех, кто будет читать эти летописи, чтобы понять, где это произошло. И вот через почти шесть веков у нас с вами картина обратная: мы отмечаем 580 лет улице, а не кончине блаженного Максима!» [12].

В самом деле, в «естественном» состоянии локальные сообщества вроде бы возникают из повседневных практик, как их производное, а здесь наоборот: первичной является именно территориальная, локальная составляющая, задающая идентичность и практики. И эта ситуация объединения людей вокруг какого-то фрагмента пространства выглядит неестественно. С другой стороны, никто не может отрицать существования Варварки или Басманного района — не просто как известных топонимов, но и как потенциальных идентификационных объектов. Как показывает случай Зарядья, «искусственность» места не мешает ему стать объектом идентификации в определенных ситуациях

9. О коллективных воспоминаниях бывших жителей Зарядья см. [8].

и условиях. Вероятно, при должных усилиях таких ситуаций может быть немало. Именно в силу ситуативности и подвижности идентичности она вполне может включить и этот — новый — вариант. А значит, рассмотренная здесь практика изобретения мест не так уж бесперспективна. Да, наверное, и не так уж искусственна — почему, собственно, празднование Дня улицы или района должно считаться менее естественным, чем, скажем, игра в казаков-разбойников? Где в данном контексте проходит граница между искусственным и естественным? И может ли при каких-то условиях искусственно созданное место превратиться в естественное?

Второй вопрос вытекает из первого и связан с механизмами конструирования места. Он заключается в том, возможно ли составить перечень механизмов, необходимых и достаточных для успешного производства места и его дальнейшего функционирования? Каковы те ключевые средства, которые обеспечивают локальное единство? Иными словами, существует ли «локальная» версия андерсоновской триады (перепись, карта, музей), из чего складывается грамматика воображения и конструирования мест?

Библиография

1. Билялитдинова Г., Тарасов А. Басманный в лицах, судьбах, эпохах... Исторические сенсации в современной трактовке: путеводитель. — М.: Новая Элита, 2010. — 423 с. : цв.ил.
2. Высоковский А. Вернакулярный город // Постнаука. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ld-CS-gEEUI> (10.09.16)
3. Домашнева Н.А. Священная к Отечеству любовь. 1812 год в судьбах старинного московского района. — М.: ОАО "Тип. "Новости", 2012. — 84 с.
4. День Басманного района. Актуальность. Содержание. Дата. Материалы научно-практической конференции. М., 2014.
5. День рождения Варварки // Архнадзор. URL: <http://www.archnadzor.ru/2015/11/20/den-rozhdeniya-varvarki/> (10.09.16)
6. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. — СПб.: Алетея, 2003. — 336 с.
7. Историко-культурное наследие Басманного района Москвы. Международная научно-практическая конференция. 7–8 октября 2015 г. Программа // Муниципальный округ Басманный. Документы. URL: http://www.basmanvmo.ru/documents/Zast_Kon_2015.pdf (10.09.16)
8. Куприянов П.С. Вспоминая о месте... вместе: групповое интервью в изучении городского пространства// Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 15: Стратегия и практика полевых исследований. Сборник научных статей. — М. 2012. — С. 84–105;
9. Линч К. Образ города. — М.: Стройиздат, 1982. — 327 с.
10. Митин И.И. Мифогеография: пространственные мифы и множественные реальности // *Communitas*. 2005, № 2. — С. 12–25.
11. Официальные символы муниципального образования Басманное // MosOpen.ru Электронная Москва. URL: <http://mosopen.ru/region/basmannyj/symbols> (10.09.16)
12. Полевые материалы автора-1. Дневник. 23.11.2014.
13. Полевые материалы автора-2. Видеозаписи интервью с жителями Зарядья. 2005–2010.
14. Полевые материалы автора-3. Дневник. 18.04.2012.
15. Полевые материалы автора-4. Дневник. 28.11.2015.
16. Покровские ворота. 2014. № 6-7.
17. Покровские ворота. 2014. № 9
18. Покровские ворота. 2015. № 14-15
19. Покровские ворота. 2015. № 16
20. Праздник любви // Архнадзор. URL: <http://www.archnadzor.ru/2014/11/26/prazdnik-lyubvi/> (10.09.16)
21. Рахматулин Р.Э. Две Москвы, или метафизика столицы. — М.: АСТ, Олимп, 2008. — 704 с.
22. 14 октября — День Басманного района // Евгений Будник, ЖЖ. URL: <http://evgeny-budnik.livejournal.com/99599.html> (10.09.16).
23. Tuan Yi-Fu. *Space and Place. The Perspective of Experience*. 8th ed. Minneapolis. — L.: University of Minnesota Press, 2001. — 248 p.
24. Menin S. (ed.). *Constructing place: Mind and the Matter of Place-Making*. — L.: Routledge, 2003. — 496 p.

References

1. Bilialitdinova G., Tarasov A. *Basmani v litsakh, sud'bakh, epokhakh... Istoricheskie sensatsii v sovremennoi traktovke: putevoditel'*. — M.: Novaia Elita, 2010. — 423 s. : tsv.il.
2. Vysokovskii A. Vernakuliarnyi gorod // Postnauka. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ld-CS-rEEUI> (10.09.16)
3. Domashneva N.A. *Sviashchennaia k Otechestvu liubov'. 1812 god v sud'bakh starinnogo moskovskogo raiona.* — M.: OAO "Tip. "Novosti", 2012. — 84 s.
4. Den' Basmannogo raiona. Aktual'nost'. Soderzhanie. Data. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii. M., 2014.
5. Den' rozhdeniia Varvarki // Arkhnadzor. URL: <http://www.archnadzor.ru/2015/11/20/den-rozhdeniya-varvarki/> (10.09.16)
6. Zamiatin D.N. *Gumanitarnaia geografiia: Prostranstvo i iazyk geograficheskikh obrazov.* — SPb.: Aleteiia, 2003. — 336 s.
7. Istoriko-kul'turnoe nasledie Basmannogo raiona Moskvy. Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia. 7-8 oktiabria 2015 g. Programma // Munitsipal'nyi okrug Basmannyi. Dokumenty. URL: http://www.basmanvmo.ru/documents/Zast_Kon_2015.pdf (10.09.16)
8. Kupriianov P. S. *Vspominaia o meste... vmeste: gruppovoe interv'iu v izuchenii gorodskogo prostranstva// Slavianskaia traditsionnaia kul'tura i sovremennyi mir. Vyp. 15: Strategiia i praktika polevykh issledovani. Sbornik nauchnykh statei.* — M. 2012. — S. 84–105;
9. Lynch K. *Obraz goroda.* — M.: Stroiizdat, 1982. — 327 s.
10. Mitin I.I. *Mifogeografiia: prostranstvennye mify i mnozhestvennye real'nosti // Communitas. 2005, № 2.* — S. 12–25.
11. *Ofitsial'nye simvolny munitsipal'nogo obrazovaniia Basmannoe // MosOpen.ru Elektronnaia Moskva. Elektronnyi resurs:* <http://mosopen.ru/region/basmannyj/symbols> (10.09.16)
12. *Polevye materialy avtora-1. Dnevnik. 23.11.2014.*
13. *Polevye materialy avtora-2. Videozapisi interv'iu s zhiteliami Zariad'ia. 2005–2010.*
14. *Polevye materialy avtora-3. Dnevnik. 18.04.2012.*
15. *Polevye materialy avtora-4. Dnevnik. 28.11.2015.*
16. *Pokrovskie vorota. 2014. № 6–7.*
17. *Pokrovskie vorota. 2014. № 9*
18. *Pokrovskie vorota. 2015. № 14–15*
19. *Pokrovskie vorota. 2015. № 16*
20. *Prazdnik liubvi // Arkhnadzor. URL: http://www.archnadzor.ru/2014/11/26/prazdnik-lyubvi/* (10.09.16)
21. *Rakhmatulin R.E. Dve Moskvy, ili metafizika stolitsy.* — M.: AST, Olimp, 2008. — 704 s.
22. *14 oktiabria — Den' Basmannogo raiona // Evgenii Budnik, ZhZh. URL: http://evgeny-budnik.livejournal.com/99599.html* (10.09.16).
23. *Tuan Yi-Fu. Space and Place. The Perspective of Experience. 8th ed. Minneapolis.* — L.: University of Minnesota Press, 2001. — 248 p.
24. *Menin S. (ed.). Constructing place: Mind and the Matter of Place-Making.* — L.: Routledge, 2003. — 496 p.